

*С глубоким почтением
посвящается памяти
Фреда Ньюмена*

Сьюзен ненавидит этот мотоцикл. Постоянно твердит о смертельной опасности — якобы ничего нет хуже гонок на мотоциклах. А Нат с большим удовольствием снова и снова указывает, раздражая ее, что она фактически допускает статистическую ошибку. Опасней всего кухни. Вероятность погибнуть там больше всего.

Как врач реанимационного отделения он ежедневно в том убеждается. Бывают, конечно, тяжелые мотоциклетные аварии, только нет никакого сравнения с несчастными случаями на кухнях.

Ткнув вилкой в кусок хлеба в тостере, люди гибнут от электрошока; падая с кухонной табуретки, ломают шею; подавившись, задыхаются насмерть; умирают от пищевого отравления... Нат особенно любит рассказывать о пострадавшей, доставленной в Королевскую больницу графства Сассекс, где он работает — или скорее, по его выражению, *ишачит*, — которая полезла прочистить засорившуюся посудомоечную машину и напоролась глазом на нож.

Мотоциклы вовсе не опасны, даже его красная зверюга «Хонда Файерблейд», способная за три секунды разогнаться до шестидесяти миль в час, о чем он постоянно напоминает. Проблему представляют только другие водители на дороге. Но за ними просто надо бдительно следить, вот и все. Кроме того, «Файерблейд» выбрасывает гораздо меньше проклятых выхлопных газов, чем допотопная «Ауди» Сьюзен.

Но Сьюзен пропускает все его доводы мимо ушей.

Не обращает внимания и на его вечные стоны по поводу необходимости проводить Рождество — до которого остается все-

го пять недель — с ее неукротимыми, по его убеждению, и необузданными родителями. Покойная мать старательно внушала Нату, что выбирают друзей, но не родственников. Совершенно верно, черт побери.

Он где-то вычитал, будто мужчина ждет, что после свадьбы жена не изменится, а женщина первым делом старается переделать мужа.

В этом Сьюзен Купер вполне преуспела, используя самое смертоубийственное орудие женского арсенала — шестимесячную беременность. Нат, конечно, гордится до чертиков, но с глубоким отчаянием понимает, что отныне придется жить реальной жизнью. Сменить «Файерблейд» на более практичное транспортное средство. На какую-нибудь легковушку-универсал или микроавтобус. Или на дизельно-электрический гибрид, который удовлетворил бы социальные и светские претензии Сьюзен. Господи помилуй!

Что за радость в подобной езде?

Вернувшись домой лишь под утро, он, зевая, сидел в маленьком коттедже в Родмелле, в десяти милях от Брайтона, глядя в утренних новостях на смертоносные бомбежки Афганистана. На экране 8:11, на наручных часах 8:09, а в сознании глухая ночь.

Отправил в рот ложку воздушных пшеничных хлопьев, запил апельсиновым соком и черным кофе, побежал наверх, поцеловал Сьюзен, похлопал на прощание по вздувшемуся животу.

— Езди осторожно, — предупредила она.

«Думаешь, я неосторожно езжу?» — мысленно хмыкнул он и сказал вместо этого:

— Люблю тебя.

— Я тоже. Звони.

Нат снова поцеловал жену, спустился, надел шлем и кожаные перчатки, вышел в морозное утро, вывел из гаража тяжелую красную машину, звучно захлопнул за собой дверь. Хотя земля примерзла, дождя давно не было и дороги не покрыла коварная черная наледь. Рассвет едва брезжил.

Он взглянул вверх на занавешенное окно спальни и в последний раз в жизни нажал кнопку стартера любимого мотоцикла.

Линн Беккет позвонила в подъезде медицинского кабинета, ясно осознавая, что доктор Росс Хантер — одна из немногочисленных постоянных величин в ее жизни. Фактически, если честно сказать, трудно припомнить что-нибудь другое столь же постоянное. За исключением *неудач*. Беды определенно преследуют. Она всегда умела совершать ошибки. Поистине блистательно. Запросто может угробить всю Англию.

Если описывать жизнь в двух словах, то получится череда катастроф протяженностью в тридцать семь лет, начавшихся с мелочей вроде отсеченного дверцей машины кончика указательного пальца в семилетнем возрасте и неуклонно с тех пор усложнявшихся. Сначала Линн не оправдала ожиданий родителей, потом мужа, теперь в качестве матери-одиночки искусно обманывает ожидания дочери.

Приемная доктора Хантера располагалась в большой эдвардианской вилле на тихой Хоув-стрит, которая некогда вся была жилой. Множество великолепных домов рядовой застройки давно снесены, вместо них выросли блочные многоквартирные ульи, а в уцелевших зданиях разместились конторы, врачебные кабинеты.

Линн вошла в знакомый вестибюль с запахом политуры со слабой примесью антисептиков, увидела в дальнем конце за столом секретаршу, которая разговаривала по телефону, и прошмыгнула в комнату ожидания.

За пятнадцать с лишним лет в просторной, но сумрачной комнате ничего не изменилось. На столике лежит свежий номер «Таймс», но в таком состоянии на газете не сосредоточишься. После вчерашнего звонка секретарши доктора Хантера с просьбой явиться утром пораньше Линн даже глаз не сомкнула. Потом ее затрясло от резко упавшего сахара в крови. Лекарство она приняла, но за завтраком с невероятным усилием проглотила лишь ложку.

Усевшись на краешке жесткого стула с прямой спинкой, Линн полезла в сумочку, нашла пару таблеток глюкозы, сунула в рот. Зачем доктор Хантер ее срочно вызвал? Из-за результатов анализа крови, сделанного на прошлой неделе, или — скорее всего — из-

за Кейтлин? В прежних пугающих случаях, когда она, например, обнаружила у себя на груди уплотнение или с ужасом увидела в безобразном поведении дочери признаки мозговой опухоли, он звонил сам, сообщая хорошие новости о биопсии, сканировании, анализах, — нечего беспокоиться. Словно можно когда-нибудь *не беспокоиться* насчет Кейтлин.

Когда дочке исполнилось девять, у нее впервые обнаружили заболевание печени. С тех пор они обе как будто находятся в длинном темном туннеле. Бесконечные визиты к специалистам. Анализы. Короткие периоды в больнице здесь, в Сассексе, и более долгие — один почти на год — в специализированном печеночном отделении Королевской больницы Южного Лондона. Операции по имплантации эндопротезов в желчные протоки. Операции по их удалению. Бесчисленные переливания крови. Кейтлин так обессилела от болезни, что регулярно засыпала в классе. Не смогла играть на любимом саксофоне, когда ей стало трудно дышать. В подростковом возрасте начала озлобляться, проявлять непослушание, и чем дальше, тем больше. Постоянно требует объяснения — *почему я?*..

Линн не может ответить на этот вопрос.

Уже не сосчитать, сколько раз она сидела в ужасе в отделении «Скорой помощи» Королевской больницы графства Сассекс, пока медики занимались ее дочерью. В тринадцать лет та стащила из домашнего бара бутылку водки, после чего пришлось промыть желудок. В четырнадцать свалилась с крыши, накурившись гашиша. В другой раз явилась в спальню матери в два часа ночи с остекленевшими глазами, обливаясь потом и стуча в ознобе зубами. Сообщила, что какой-то подонок в Брайтоне дал ей таблетку экстази и у нее болит голова.

Доктор Хантер всякий раз приезжал в больницу, сидел с Кейтлин, пока не убеждался, что опасность миновала. Это не входит в его обязанности, да такой уж он человек.

Дверь открылась, он вышел — высокий, элегантный, в костюме в тонкую полоску, с прекрасной осанкой. Приятное лицо обрамляют волнистые волосы цвета перца с солью, ласковые заботливые зеленые глаза частично прячутся за стеклами очков в форме полумесяца.

— Линн! — сказал он. Его обычно сильный звонкий голос прозвучал нынче утром непривычно глухо. — Зайдите.

У Росса Хантера две резко различные манеры приветствовать пациентов. За все годы Линн видела только теплую искреннюю улыбку, которая говорит: *рад снова вас видеть*. Прежде на его лице никогда не было тоскливой гримасы с прикушенной нижней губой, которую он ненавидит и держит в чулане.

Сегодня она вышла на свет.

3

Констебль Тони Омотосо пригнулся за машиной с лазерным радаром, положенным для удобства на крышу, и нацеливал красную точку на передние номерные знаки автомобилей, заподозренных в превышении скорости. Засек табличку «Тойоты». На датчике сорок четыре мили. Водитель, заметив инспекторов, притормозил. Строгая инструкция допускает превышение лимита на десять процентов. «Тойота» проехала, сияя задними огнями. Белый фургон «Транзит» — сорок три мили. Черный мотоцикл «Харлей» перекрыл предел в разы, но Тони не успел поймать его вовремя. Слева от него ежился на холоде коллега из дорожной полиции констебль Йен Аппертон, длинный, тощий, в фуражке и желтой куртке, издали бросаемой в глаза, готовый по сигналу немедленно сорваться с места. Оба замерзали.

Аппертон посмотрел вслед «Харлею». Он обожает мотоциклы любой марки, сам мечтает сесть на полицейский мотоцикл. Впрочем, «Харлей» для прогулок. Истинная его страсть — высокоскоростные гоночные машины вроде «БМВ», «Судзуки», «Хонды Файерблейд», которые на поворотах надо класть на бок, а не просто вертеть ручки, как обыкновенное рулевое колесо.

Заметивший их водитель красного «Дукати» почти ползет. А субъект за рулем битой зеленой «Фиесты» явно проглядел полицейских.

— «Фиеста»! — крикнул Тони. — Пятьдесят две!

Констебль Аппертон выскочил, подал знак остановиться. Хозяин «Фиесты» то ли нечаянно, то ли сознательно промчался мимо.

— Ладно, поехали. — Он повторил по буквам прочитанный номер W 432 CPN и прыгнул за руль.

— Сукины дети!

— Говенные задницы!

— Почему не ловите настоящих преступников?

— Вот именно. Чем за лихачами гоняться, мать вашу.

Тони Омотосо оглянулся на двух горланивших юнцов, лениво шагавших мимо.

«Потому, — ответил бы он, — что на дорогах Англии каждый год гибнет три с половиной тысячи человек по сравнению с пятью сотнями от насильственной смерти. Потому что мы с Йеном каждый день недели, будь он проклят, подбираем на дороге мертвых и искалеченных такими сволочами, как вот этот водитель «Фиесты».

Но отвечать некогда. Коллега уже забросил на крышу синюю мигалку, включил сирену. Тони положил на заднее сиденье лазерный радар, сел спереди, захлопнул дверцу и еще не успел защелкнуть ремень безопасности, как Аппертон до отказа выжал акселератор.

Рывок отозвался в желудке, адреналин вскипел, спина вжалась в кресло. Одна из прелестей службы в дорожной полиции. Укрепленный на приборной доске монитор автоматического определителя номеров с писком выдал информацию о «Фиесте». Пошлины не уплачены, страховки нет, машина зарегистрирована на водителя, лишеного прав.

Аппертон вильнул на другую полосу, быстро догоняя правонарушителя.

Тут затрещала рация.

— Отель-танго-четыре-два?

— Да-да, слушаю, — подтвердил Омотосо.

— Получено сообщение о серьезном столкновении на дороге, — объявил диспетчер. — Мотоцикл и легковая машина на пересечении Колдин-Лейн с Дитчингруд. Можете подъехать?

«Проклятье», — мысленно выругался Тони, не желая упускать «Фиесту».

— Да, — сказал он, — нам по дороге. Сообщите брайтонским патрулям: «Форд Фиеста» зеленого цвета, номер дабл-ю четыре-три-два серна-папа-ноябрь, движется к югу по Льюис-роуд

на большой скорости. Есть подозрение, что водитель лишен прав.

Приказывать напарнику разворачиваться не пришлось. Апертон уже резко затормозил, сверкнул правым поворотником, отыскивая щелку во встречном потоке машин.

4

Мэл — Малькольм Беккет — почуял приближавшийся запах моря, когда его тридцатилетний синий автомобиль остановился у светофора на съезде с автомагистрали. Похоже, океанская соль, как наркотик, течет в его венах — ее надо нюхнуть после каждого перерыва. После вступления в Королевский флот в качестве инженера-стажера его жизнь отдана морю. Десять лет в военно-морском флоте, потом двадцать один год в торговом.

Он любит Брайтон, где родился и вырос, за его близость к морю, но особенно счастлив, когда ступает на борт судна. Сегодня кончается трехнедельный отпуск на берегу, начинаются три недели в море на драге¹ «Арко Ди», где он служит главным инженером. Не так давно, с грустью подумал Мэл, он был самым юным главным инженером во всем торговом флоте, а теперь, в сорок семь, стремительно превращается в ветерана, старого морского волка.

Точно так же, как на любимом судне, ему знакома каждая заклепка, каждый болт и гайка в машине, которую он разбирал и опять собирал незапамятное множество раз. Любовно прислушиваясь к ленивому урчанию мотора, Мэл как будто расслышал легкое постукивание. Надо будет проверить клапаны.

— Все в порядке? — спросила Джейн.

— А? Да. Абсолютно.

Выдалось прекрасное утро. Ослепительно-голубое небо, ни ветерка, море тихое, как мельничная запруда. После поздних осенних штормов, изрядно подпортивших последние дни на борту в прошлый раз, погода утихомирилась, по крайней мере на сегодня.

¹В данном контексте: судно или плавучая платформа, несущая грунтовой насос.

— Будешь по мне скучать?

Он обнял ее за плечи, стиснул.

— Безумно.

— Врун!

Мэл поцеловал ее.

— Скучаю каждую секунду в разлуке.

— Чушь собачья!

Он опять ее чмокнул.

Загорелся зеленый, она вывернулась из объятий, включила первую передачу и быстро поехала вниз.

— Действительно, очень трудно соперничать с судом.

Он ухмыльнулся.

— Нынче утром мы потрясающе трахнулись.

— Хорошо бы продолжить.

— Обязательно.

Повернули налево, обогнули с дальнего конца Хоувскую лагуну — два искусственных озера, где люди катаются на лодках, обучаются виндсерфингу, пускают модели кораблей. Дальше к восточной стороне гавани примыкает жилая улица с белыми домами в мавританском стиле с видом на море, принадлежащими богатым знаменитостям, включая Хизер Миллс¹.

Соль в воздухе стала еще ощутимее, к ней примешались сернистые испарения, запахи нефти, канатов, смолы, краски, угля.

Шорэмская гавань на западной окраине Брайтона и Хоува представляет собой бухту длиной в милю, огороженную с обеих сторон складами пиломатериалов, пакгаузами, заправочными станциями, хранилищами разнообразных механизмов, наряду с причалами для яхт и россыпью частных и многоквартирных домов. Некогда здесь был оживленный торговый порт, но с увеличением габаритов контейнеровозов, ставших слишком крупными для бухты, гавань приобрела иной характер.

В нее по-прежнему постоянно заходят танкеры, грузовые, рыбацкие суда, но чаще всего коммерческие драги, которые добывают с морского дна песок и гравий для строительной индустрии.

— Что будешь делать в следующие три недели? — спросил Мэл.

¹ Хизер Энн Миллс (р. 1968) — бывшая жена Пола Маккартни.

Доверие к оставленным на берегу женам — вечная проблема моряков. Когда Мэл пришел в Королевский военно-морской флот, его просветили, что, как только мужа отправляются исполнять служебный долг, некоторые жены выставляют в переднем окне пачку стирального порошка ОМО, что означает Old Man Overseas¹.

— Репетировать с Джеммой рождественскую пьесу, которую ты как раз не увидишь. И у Эми каникулы на две недели. Заставлю ее в доме прибраться.

Эми — одиннадцатилетняя дочка Джейн от первого брака. Мэл отлично с ней ладит, хотя между ними все время стоит нечто вроде невидимого барьера. С Джеммой, их совместной шестилетней дочерью, они гораздо ближе. Эта замечательная маленькая особа беспредельно любящая и сообразительная. Полная противоположность странной и непонятной, отчужденной больной дочери от первой жены, которую он любит, но, невзирая на все усилия, не чувствует настоящей привязанности. Жалко, что не удастся увидеть, как Джемма изображает Деву Марию, хотя Мэл давно привык чем-то жертвовать ради избранной профессии. Подобные жертвы стали одной из главных причин развода с первой женой и поводом для постоянных раздумий о верности.

Какая разница между двумя женщинами!

Джейн — психотерапевт, специалист по фобиям — сразу же объявила, что ценит свою независимость и охотно воспользуется трехнедельной свободой, а он, возвращаясь домой, будет любить ее еще сильнее.

Линн — служащая агентства по взысканию долгов — без конца в нем нуждалась. Слишком сильно нуждалась. Одно дело быть желанным и любимым, но быть *жизненно необходимым* женщине — совсем другое. Именно эта критическая потребность в конце концов их развела. Он надеялся — собственно, они оба надеялись, — что ситуация переменится с рождением ребенка. Но этого не случилось.

Фактически стало лишь хуже.

Вспыхнули тормозные огни, машина замедлила ход, пропускающая нагруженный досками грузовик, прогромыхавший мимо,

¹ Старик за морем (англ.).